

2. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Жизнь и труды Святителя Григория Паламы: Введение и изучение / протопресвитер Иоанн Мейендорф. СПб: Византороссика, 1997. — 480 с.

Протасов Александр Юрьевич,

кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Развитие социального рыночного хозяйства в условиях роботизации технологических процессов

Одним из символов современного развития мировой экономики в последние десятилетия стал набирающий темпы и расширяющийся в пространстве процесс глобальной роботизации производственно-технологических систем, которые непосредственным образом оказывают влияние на социально-экономическое развитие как отдельных стран, так и всего мира. Ускорение процессов роботизации обусловлено особенностями циклической динамики научно-технического прогресса и во многом связано сегодня с переходом современной мир-системы к новому глобальному циклу накопления капитала с вероятным центром в Китае [3]. Современная роботизация является логическим звеном в исторической цепи последовательно сменяющих друг друга достижений технического прогресса, в которых реализовывались и совершенствовались трудосберегающие технологии. Однако, если раньше на протяжении веков развитие трудосберегающих технологий приводило к отмиранию одних профессий и появлению других, а также сопровождалось облегчением человеческого труда, делая его все более интеллектуально ёмким и обеспечивая его ведущую роль в системе общественного воспроизводства, то с началом проникновения в производственные процессы самообучающихся роботов на основе искусственного интеллекта ведущая роль человеческого труда оказывается под большим вопросом, поскольку в роботизированных производствах человек практически становится ненужным. Дальнейшее неизбежное ускорение развития робототехники и ее широкое внедрение в производственные процессы кардинально изменит сложившуюся ныне систему социально-экономических отношений и заставляет оценить этот процесс не с позиций технико-экономических эффектов, а с позиций оценки возможных социальных последствий (прежде всего занятости населения).

Исследователи отмечают, что одним из возможных сценариев социальных последствий такой роботизации может стать ситуация, при которой лишь очень малая часть трудоспособного населения будет занята производительным трудом, а остальная в большей или меньшей степени будет обеспечена необходимыми потребительскими товарами путем их перераспределения, при этом в социальной структуре общества может сформироваться четыре страты — немногочисленные властная элита, технологическая элита, обслуживающая рабочая сила и большинство иждивенцы [1; 2].

При оценке социальных последствий развития роботизации в фокусе внимания исследователей оказываются три базовые модели хозяйства:

- модель, аналогичная обществу античного периода;
- марксистская модель коммунистического общества;
- различные вариации модели антиутопий.

Первая модель хозяйственного устройства античного типа предполагает некий образ императорского Рима, который считался городом-рантье, в котором помимо верхнего социального слоя землевладельцев, чиновников и откупщиков, существовал многочисленный слой безработных рядовых граждан, физическое существование которых обеспечивалось путем ежемесячной раздачи хлеба. В настоящее время в некоторых развитых странах проводится или проводился эксперимент по реализации социального механизма перераспределения доходов через внедрение механизма Безусловного Базового Дохода — ББД (Финляндия, Канада). Вместе с тем, введение ББД сопряжено с целым рядом отрицательных последствий в современном устройстве социальной рыночной экономики. В частности, попытка провести эксперимент с ББД в Швейцарии была провалена из отказа общества от его введения.

Вторая модель, как аналог сформулированной К. Марксом концепции коммунистического общества, может быть представлена только как мыслительная конструкция устройства общества, в которой по замыслу должен реализоваться принцип «...каждый по способностям, каждому по потребностям». Такой принцип может быть реализован при следующих условиях:

- отсутствие противоположности умственного и физического труда;
- труд является первой потребностью человека (при этом вопрос о каком труде идет речь, когда человек полностью может быть высвобожден из производственного процесса, остается недостаточно проясненным);
- уровень развития производительных сил способен обеспечить полное удовлетворение потребностей человека.

Третья модель общественного устройства в образе антиутопий нашла свои проявления в уродливых формах устранения ненужных («лишних») людей. Очевидно, что такая модель является крайне нежелательным вариантом трансформации социально-рыночного хозяйства.

По оценкам некоторых исследователей, хотя производство и внедрение роботов в общественное производство идет очень быстрыми темпами, его доля в мировом ВВП в 2017 году составляла лишь 0,04% [4]. Это означает, что отрасль роботостроения пока не является статистически значимой для экономического развития как отдельных стран, так и для мировой экономики в целом. Поэтому проблема пока не стоит так остро.

Вместе с тем, сами по себе неизбежные последствия роботизации для социально-рыночной экономики, в том ее виде, в каком она сейчас существует, являются противоречивыми. С одной стороны, повсеместное внедрение роботов и высвобождение человека из процесса производства в сочетании гарантированным оптимальным уровнем дохода (потребления) даст

возможность ему заниматься творческими видами труда, соответствующими его интересам и потребностям. С другой стороны, существует ряд негативных последствий. Среди них можно выделить демотивацию людей к труду вообще. В этой связи показательным является отказ граждан Швейцарии от введения ББД в процессе голосования. Другим опасным негативным последствием может быть закрепление сформировавшегося в последнее десятилетие тренда на углубление неравенства и нарушения социальной справедливости, когда большинство граждан может попасть в число бедных неработающих нахлебников и оказаться в зависимости от немногочисленной богатой элиты, контролирующей роботизированное производство и сконцентрированной на своих узкокорыстных интересах.

1. Акимов А. Робототехника и развитие. / Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 12.
2. Акимов А. Влияние робототехники и трудосберегающих технологий на демографические процессы: тренды и сценарии. / Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2.
3. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
4. Хорс В. различные последствия роботизации. / Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 12.

Пушкин С.Н.

*доктор филос. наук, профессор, профессор каф. философии и теологии,
Нижегородский гос. педуниверситет им. К. Минина.*

Славянофилы о христианской культуре

Славянофилы отличали культуру заемную от культуры органической, которая ими характеризовалась как «своеобразный продукт народной жизни». Под заемным же они понимали то, что по своему характеру не было, не могло быть усвоено заимствующим народом, оставаясь для него неприемлемым и чуждым, а не то, что было заимствовано. Широко распространившаяся среди «высших сословий» Российской империи заемная культура, отделяла их от народа, остававшегося верным, хотя, возможно, и бессознательно, своим религиозно-национальным традициям. Утверждая, что основанием русской культуры является православие, славянофилы внушали: единственная возможность нейтрализовать негативные стороны европейской культуры — подчинить их православно-христианской культуре. Именно в этих целях славянофилы рассматривали два типа культуры: внутренний и внешний.

Сформировавшейся в России внутренний тип они определяли, как путь религиозно-духовного совершенствования человека, в основании которого медленное и трудное формирование ценностей христианской культуры. Получивший распространение в Западной Европе внешний тип, по их многочисленным утверждениям, сориентирован в первую очередь на развитие управляющей миром «без веры и поэзии» промышленности. И. Киреевский убежден: «Западный человек искал развитием внешних средств облегчить